

А.В. Прокофьев

УДК 174

Три возраста НИИ Прикладной этики, или российский университет в изменчивом мире

Аннотация. В статье проанализирован практический и теоретический контекст трех тезисов-рекомендаций НИИ Прикладной этики Тюменскому индустриальному (ранее – нефтегазовому) университету, касающихся путей приобретения и сохранения этой организацией университетского статуса. Тезисы, разработанные в 1995, 2005, 2021 гг. представляют собой интересный документальный источник по истории развития российских университетов и одновременно по истории развития российской академической этики. Автор показывает, как от общей и формальной постановки вопроса о путях превращения бывшего советского вуза в настоящий университет, НИИ Прикладной этики перешел к раскрытию перед своим адресатом всей широты прагматических университетских ценностей, а от него – к конкретизации миссии университета в условиях организации, специализирующейся на предоставлении высшего инженерного образования. Так как тезисы НИИ Прикладной этики являются не только практическими рекомендациями, но и содержательными манифестами по некоторым вопросам академической этики, автор проделывает реконструкцию и проводит частичную критику того понимания назначения университета и опасностей, грозящих ему в современном (в том числе российском) обществе, которое используется в тезисах для консультирования руководства и академического сообщества конкретного университета.

Ключевые слова: академическая этика, миссия университета, университетские ценности, факторы деуниверситетизации, НИИ Прикладной этики.

Три последовательных обращения НИИ Прикладной этики к своему основному клиенту по консультационной деятельности, к своей институциональной площадке – Тюменскому индустриальному университету (ранее Тюменскому нефтегазовому университету) создают очень интересный срез сразу двух процессов, протекавших в постсоветской России.

Это, прежде всего, изменение самих университетов, для которых в советский период были совершенно очевидными их социальная ниша и функциональное предназначение. Вопросы «Что такое университет?» и «Как стать или остаться подлинным университетом?» для них тогда не стояли. В какой-то момент эта беспроblemная самоидентификация разрушилась и поиск новой идентичности наложился на решение задач простого самосохранения или выживания

в качестве научных и образовательных центров. Эта ситуация, в которой переплелось много внутренних и внешних факторов, поставила перед руководством университетов, сообществами университетских преподавателей, отдельными преподавателями целый ряд сложных дилемм экономического, политического и нравственного характера. Попытки решить их сформировали «индивидуальные биографии» тех или иных образовательных организаций. Но общая динамика процесса во многом задавалась извне: состоянием рынка труда; государственной образовательной политикой; зигзагами в области доминирующей государственной идеологии; интеграционными процессами в мировом высшем образовании и изменениями позиции России в их отношении; технологическими трансформациями, создающими новые формы образования и т.д. Для российских вузов (даже тех, которые к рубежу 1990-х гг. уже были университетами) тридцать постсоветских лет оказались парадоксальным образом годами параллельной университетизации и деуниверситетизации. Разные внутренние и внешние силы работали в этих направлениях, создавая в каждый конкретный момент новую уникальную диспозицию, которая по сути своей была ситуацией морального выбора коллективных субъектов. Тезисы НИИ Прикладной этики откликаются на эту изменчивую реальность, акцентируя для своего адресата неизбежность принятия решений, формирования коллективных традиций и индивидуальных установок, которые внутри потока изменений позволили бы ему оставаться университетом и быть собой.

Второй процесс касается уже российской прикладной, в частности, академической этики как направления этических исследований. С работой НИИ Прикладной этики связано выдвижение и распространение идеи – успешность прикладной этики зависит от успеха прямой коммуникации теоретика с профессиональными сообществами, а деятельность прикладного этика – проектно-инновационная, преобразующая моральные практики таких сообществ. Идея возникла задолго до того, как была инициирована череда тезисов, обращенных к Тюменскому индустриальному университету, но в случае с этими тезисами мы видим один из ярких примеров попытки воплотить ее в действительность: взять сообщество и организацию в период их трансформации (как ценностной, так и структурной) и обеспечить если не управление процессом (что было бы заведомо утопично), то, по крайней мере, направленное влияние на процесс. Ориентирами этого влияния являются идеал общественного блага и определенное представление о назначении или миссии университета. Они опосредствуют проекцию общеэтических ценностей в практику высшего образования, но, в соответствии с центральным убежде-

нием руководителя НИИ Прикладной этики, Владимира Иосифовича Бакштановского, это опосредствование происходит не во внутренней лаборатории теоретика-аналитика, а в коммуникации с теми, кто артикулирует ценности и нормы, одновременно соотнося с ними свое поведение (с членами сообщества, которые занимают разные позиции в иерархии, если перед нами это сообщество одновременно является организацией) [1, 2]. Тезисы-рекомендации представляют собой одну из форм подобной коммуникации, работа с представителями сообщества и экспертами над этическим кодексом университета – другую. Сообщество, с которым коммуницирует эксперт – прикладной этик, это не универсальное академическое сообщество и даже не общероссийское, в отношении которых понятия сообщества, или используемое в тезисах профессиональная корпорация, применимы лишь условно. А коллектив конкретного, имеющего хорошо известную авторам тезисов судьбу университета, в отношении которого они выступают не только в качестве консультантов, но и членов коллектива. Если же взглянуть на работу НИИ Прикладной этики шире, безотносительно к вопросу о продвижении проектно-инновационного метода, то можно сказать, что она создала важный канал, по которому этическая рефлексия в отношении университетской практики и деятельности профессора вошла в российский теоретический обиход. А три обращения НИИ Прикладной этики к своему университету маркируют этапы этого вхождения.

Первые тезисы НИИ Прикладной этики:

формальная постановка проблемы университетизации

Первые тезисы представляют собой формальную постановку задачи превращения Тюменского нефтегазового университета (в ближайшем прошлом – индустриального института) в подлинный, аутентичный университет. Слово «формальный» я использую в связи с тем, что в предложениях НИИ Прикладной этики 1995-го года преобладают характеристики университетского сообщества, связанные со способами его внутренней организации, с его качеством как объединения профессионалов, а не только с его содержательными целями. Университет охарактеризован как такое сообщество или такая корпорация, члены которой «осознали и согласовали свои интересы, свое понимание успеха». Хотя и без упоминания самого понятия «автономия», зафиксирован автономный характер этой корпорации: университет «не хочет жить по правилам, которые ему навязываются. Он стремится вырастить собственные правила честной игры и бережет их как корпоративные традиции». Независимость университетской корпорации *defacto* обеспечивается системой специфических обязан-

ностей и прав, которые приобретает добровольно присоединившийся к ней человек.

Та инстанция, от давления которой университет стремится быть свободным, становится очевидной, когда возникает такая характеристика университета как «живой организм гражданского общества». Это означает, что диктующим правила университетской жизни может быть прежде всего государство, противопоставленное гражданскому обществу. Однако в первых тезисах понятие гражданского общества также остается не нагруженным в ценностном отношении, не проясненным содержательно, а значит не задающим даже опосредованно цели университета. Его применение не преодолевает формализма, свойственного в целом этому документу.

Автономия университета для авторов тезисов проявляется не только в самостоятельном выстраивании внутренних «правил честной игры» и корпоративных обязанностей и прав, но и в свободном высказывании экспертных суждений по проблемам региона. Эта мысль закреплена в виде утверждения о принадлежности университетской корпорации к «элите региона», и выбор именно такого ее терминологического оформления очень интересен, особенно на фоне уже упомянутого причисления университета к «организмам гражданского общества». Понятие «гражданское общество» имеет отчетливо выраженные эгалитарные, а не элитарные коннотации. Встает также вопрос о том, как в середине 1990-х гг. мыслилась принадлежность университетского сообщества к элите региона, какими способами предполагалось обеспечить такую принадлежность. Но это требовало бы перейти от герметичного анализа тезисов к широкому историческому исследованию с привлечением дополнительного материала и результатов прямого интервьюирования авторов тезисов. Такова задача для будущих историков отечественной прикладной этики.

Полноценный университет не только по названию связывается в тезисах с феноменом профессионализма. Образовательную корпорацию формируют люди, «с продвинутой мотивацией на профессиональный успех», они же в наибольшей степени заинтересованы в ее успешном становлении. Способ, которым должна производиться «университетизация» технического вуза – это «поддержка действующих и возникающих в Университете “островков” успешных профессионалов». Понимание профессионализма, разделяемое авторами тезисов, прямо ими не раскрыто, однако очевидно, что оно не является тривиальным, отождествляющим профессионала с высококлассным специалистом в какой-то сфере трудовой деятельности. Это можно утверждать на основе того, что 10-й тезис фиксирует некоторые ключевые проблемы профессиональной деятельности именно в

узком или собственном смысле: проблему автономии профессионала (в данном случае – академической свободы) и проблему специфики управления коллективами профессионалов. С одной стороны, с точки зрения авторов тезисов, императив коллективного успеха корпорации определяет характерное для нее разделение труда и ее иерархию («структура, [где] каждый субъект вносит свою лепту», «организм, в... [котором] ясно, кто за что отвечает, каково доленое участие каждого»). Но с другой стороны, они понимают, что университет не может быть организован как конвейерное производство и управляться как бизнес-фирма или бюрократическое ведомство. Поэтому в тезисах возникают: формулировка «право на индивидуальный успех» и утверждение «ректор – первый среди равных». Мы не видим пока раскрытия темы академической свободы в той части, которая связана с профессиональной автономией профессора, но определенный заход к ее постановке уже сделан.

Вторые тезисы НИИ Прикладной этики:

миссия университета и ценности академической практики

Вторые тезисы уходят от формальной постановки задачи университетизации к ее содержательному раскрытию. В них присутствует вполне проясненный образ университетских ценностей, с которым можно спорить или соглашаться, но невозможно игнорировать, в том числе из-за мощного эмоционального посыла, пронизывающего тезисы. Если первое обращение НИИ Прикладной этики выглядит как своего рода предварительный брифинг, проведенный консультантом со своим клиентом, то второе – воспринимается как мировоззренческий манифест или вдохновляющая речь. Хотя задачи, поставленные в этом манифесте, имеют локальный фокус – это судьба собственного университета, решение этих задач возможно лишь в широком теоретическом и ценностном контексте. Создать университет и не потерять уже созданный можно лишь в том случае, если имеется понимание того, что такое университет. Однако понимание это может оказаться совершенно бессмысленным, если оно не находит точек соприкосновения с жизнью конкретного академического сообщества и конкретной организации, со всеми ее особенностями и несовершенствами. Идеал не может быть реализован даже в той мере, в какой вообще возможна реализация идеалов, без обнаружения тех локализованных во времени и пространстве ситуаций, в которых может произойти частичное восхождение к идеалу. Из таких частичных восхождений складывается, как мозаика, любое самосовершенствование. Авторы тезисов находятся в поиске этих точек соприкосновения и потенциальных ситуаций роста, позволяющих решить проблему общего и уникального в процессе институциональной трансфор-

мации. Они задаются вопросами об источнике миссии конкретного университета. Каков он: универсальный эталон, подражание другим, зрелым университетам или непосредственное осознание собственной уникальности? Они пытаются нащупать оптимальные способы обнаружения этой миссии. Что поможет ее найти: процесс рационального поиска или озарение, откровение, спонтанное открытие? Отвечая на последний вопрос, они склоняются в сторону рационального поиска, который осуществляет челночное движение между «идеальной моделью» и реалиями, сложившимися в стране, регионе и конкретной организации.

Каковы контуры идеала, с которым работает НИИ Прикладной этики в 2005-м году? Первая линия этих контуров – представление о профессионализме или «высокой профессии». Деятельность в сфере высшего образования мыслится как деятельность, обладающая статусом «высокой профессии», «считается профессией потому, что она несет в себе особую социальную миссию и ответственность перед обществом». Университетское сообщество воспринимается как профессиональное сообщество («Университет – корпорация. Корпорация – организация. Корпорация – профессиональное сообщество»). Профессионализм выступает как требование к членам сообщества и предмет его организованных усилий («рефлексирующий университет считает своей особой заботой культивирование ценности профессионализма»). Профессионалом является не только университетский преподаватель, но и студент университета – потенциальный профессионал (университет ориентируется на «модель выпускника как... профессионала, ориентированного на ценности профессиональной этики»).

Выражение специфики университетской практики на языке профессионализма является очень устойчивой тенденцией в теории высшего образования. Классический вариант такого подхода мы находим у классика современной социологии и академической этики Эдварда Шилза [25, 26, 27]. Он очень удобен в качестве фона для понимания особенностей «идеальной модели» университета, используемой в тезисах НИИ Прикладной этики. Шилз берет за точку отсчета то обстоятельство, что любой профессионал (врач, юрист, инженер и т.д.), опирающийся на недоступное обычным людям знание, которое касается его специальности, должен быть человеком, заслуживающим доверия общества и клиентов. Такое доверие обеспечивается наличием саморегулирующегося профессионального сообщества, выдвигающего нормативные стандарты, и развитыми индивидуальными представлениями о профессиональном долге, призвании, служении у каждого его члена. Однако у «академической про-

фессии» (университетского преподавателя) есть своя очевидная специфика. Медицина, юриспруденция и инженерная практика «имеют дело с относительно ограниченными частями систематически изучаемого и получаемого знания, в то время как академическая профессия посредством внутреннего разделения труда перекрывает все пространство такого знания» [27, 112]. Внутри этой профессиональной практики знание не *применяется, а приобретается и передается* (речь идет как о знании о мире, так и знании о методах, на основе которых знание о мире формируется и удостоверяется) [27, 113].

Э. Шилз подчеркивает, что член академического сообщества имеет особое отношение к «истинам о конкретных предметах» и «истине вообще», истине как таковой. Он верит в ее существование и содействует расширению истинного знания. Университет выступает в качестве основной социально организованной формы, в которой стремление к истине и рациональное исследование мира реализуют и – в процессе обучения студентов разных уровней – воспроизводят себя (словами Шилза, университет «поддерживает» академическую жизнь) [27, 108]. Конечно, университет – это еще и одно из самых распространенных мест, где люди обучаются неакадемическим специальностям, становятся не исследователями, а профессионалами-практиками, однако образование такого рода присутствует в университете только в той степени, в какой от профессионалов-практиков требуется освоение систематического знания и развитие способности к рациональной оценке данных за пределами выполнения рутинных задач [27, 109]. Обобщая, можно сказать, что для Шилза профессионализм в университете – это профессионализм производства и передачи знания. Истинное знание выступает как ключевая ценность, определяющая социальную миссию университета. Вклад университета в общественное благо определяется его способностью обогащать истинную картину мира и расширять познавательные возможности людей.

Примечательно, что в тезисах НИИ Прикладной этики 2005 г. эта линия в понимании университетского профессионализма совсем не доминирует. Университетские ценности, или «мировоззренческие аспекты» академического профессионализма, сконцентрированы на другом. Ключевые понятия в этом случае – «миссия формирования Человека» и «духовное производство человека». Целью университета, по тексту тезисов, является социально-антропологическое совершенствование, формирование определенного человеческого типа. «Университеты создают предпосылки для личностной автономии и самоопределения выпускников», выходящий из стен университета человек «ставит задачи, а не только выполняет их». Применительно к

какой-то конкретной области практической деятельности эта формулировка фактически является определением профессионализма (вернее, одним из компонентов такого определения, наряду со специальным образованием, развитой идентификацией с профессиональным сообществом и устойчивыми представлениями о профессиональном служении). Однако в тезисах подчеркивается, что университет формирует такой тип личности, который проявляет способность к автономии «не только в профессиональной, но и в общественной сфере». Основным продуктом университетского образования – это не только профессионал, а «интеллектуал», ассоциируемый в тексте со «средним классом» и «гражданским» и «открытым» обществом. «Университет призван образовывать человека, адекватного гражданскому обществу, независимую самостоятельную личность с развитым чувством собственного достоинства, способную принимать свободное решение и быть ответственной за него, умеющую жить в условиях открытого общества, в ситуации неопределенности».

Отсутствие упоминания знания и познавательной деятельности в тезисах вызывает определенные вопросы с точки зрения комплексного, целостного подхода к назначению университета. Интересно было бы понять, что именно привело НИИ Прикладной Этики к такому варианту артикулирования университетских ценностей. Ведь центральные исследователи института неоднократно подчеркивали первостепенную значимость и системообразующий для университета характер ценности знания (примеры из последних публикаций: «профессиональная этика... помещает заботу [университета] о потребностях экономики в более широкий контекст: Мира в целом, Общества, Культуры, Знания, Личности» [3, 106], «ключевые ценностные составляющие профессорского дела... связаны с производством научного знания, его воспроизводством и применением» [4, 148] и т.д.) Герметичный анализ тезисов не позволяет определиться с ответом на этом вопрос.

По моему мнению, миссия современного университета формируется на основе ряда ценностных ориентиров, имеющих более и менее тесную связь с прагматическими потребностями экономики и общественного управления. Некоторые из этих ценностных ориентиров выступали в качестве «станового хребта» отдельных пониманий сути университета, но в широкой исторической перспективе они оказываются лишь аспектами целостной миссии этого учреждения. Я размещу их в порядке убывания прагматической составляющей.

Во-первых, это ценность эффективного квалифицированного труда, опирающегося на научное и технологическое знание. Университет является профессиональной школой в смысле подготовки к

такому труду. В отсутствии этой роли он оказался бы безнадежно маргинализированным явлением. Все иные целеполагания университета были бы неосуществимыми, если бы в него не стремились попасть люди, планирующие стать востребованными специалистами в различных сферах материального, духовного производства и общественного управления. Эти сферы заинтересованы в специалистах, университет возвращает их, но не ограничивается этой функцией.

Во-вторых, это ценность профессионализма, которая надстраивается над ориентированным на знание квалифицированным трудом. Социальный и экономический прагматизм в этом случае также присутствует вполне очевидно, поскольку связка «профессиональный труд» – «профессиональное сообщество» – «профессиональное служение» («профессиональный долг») является мощным экономическим фактором. Творческое и бескомпромиссное отношение к своему делу профессионала эффективно, хотя и не всегда удобно для бюрократических и менеджериальных инстанций.

В-третьих, это ценность знания и познания (в некоторых возвышенных и в своей возвышенности уязвимых интерпретациях – истины). Это основание гумбольдтовского образа университета и его современных воплощений, существующих под рубрикой «исследовательский университет» [5]. Упомянутый ранее Шилз – яростный защитник доминирования этой ценности. Есть и иные артикуляции данного подхода, ставшие классическими [21]. Прагматический аспект в этом случае слабее, но он не исчезает в связи с практической востребованностью научного знания.

В-четвертых, это ценность сознательного критического гражданства или шире – критического мышления, направленного не только на существующую систему социальных институтов, но и на ее культурные опоры. Таков образ университета, восходящий к Джону Дьюи [6] и разделяемый многими представителями современной леволиберальной интеллигенции [13, 24]. Университет действительно имеет ни с чем не сравнимые возможности в этом отношении, но сосредоточившись только на социально-критической деятельности мгновенно теряет их. Эта ценность также не лишена прагматического смысла, но это не прямолинейная прагматика сиюминутной экономической выгоды, а прагматика социальной инженерии, направленной на достижение общественного блага.

В-пятых, это ценность личностного самоопределения и личностной самореализации индивидов. Корни ее осмысления уходят в труды Джона Стюарта Милля [23, 10] и Джона Генри Ньюмена [8]. Университет – это место, где финализируется или подходит к очень важному промежуточному итогу процесс становления личности, и атмос-

фера постоянного освоения нового знания, расширения мировоззренческих горизонтов, свободной критической коммуникации создают уникальные возможности для поиска и обретения студентом самого себя [19, 20]. Здесь прагматика оказывается очень косвенной, но не исчезает полностью. Общество личностей, свободно и успешно реализовавших себя, имеет много преимуществ по сравнению с обществом, где люди нереклексивно или вынужденно (из-под палки) выполняют социальные функции и роли.

Миссия университета (в целом или какого-то конкретного) складывается на основе приведения в равновесие этих ценностей. В тезисах НИИ Прикладной этики 2005-го года я вижу стремление к такому уравниванию, призыв к его коллективному поиску и определенный предварительный результат, полученный в попытках его достичь.

***Вторые тезисы НИИ Прикладной этики:
источники деуниверситетизации
и способы противостояния ей***

Постановка позитивных задач, связанных с продолжающимся превращением советского вуза в современный университет, совмещается в тезисах с рекомендациями, касающимися факторов, препятствующих этому процессу. Первый такой фактор – «надвигающаяся коммерциализация, способная в крайнем своем проявлении подорвать соответствие университета своей миссии в обществе, идее университета, призванию высокой профессии».

Советский вуз, в соответствии с опасениями НИИ Прикладной этики, может превратиться не в полноценный университет, а в «корпорацию, ориентированную на оказание образовательных услуг». В тезисах не отрицается необходимость участия университета в образовательном рынке, но это участие осмысливается в категориях получения дополнительных средств для поддержания существования и осуществления развития. Выход «мотива коммерциализации» за эти пределы «подталкивает университет к риску утраты идентичности, оборачивается утратой веры людей в бескорыстный характер образовательной и научной работы, ведущейся в стенах университета». Суть предложений НИИ Прикладной этики состоит в том, чтобы правильным образом выстроить приоритеты образовательной политики университета, не смешивать его высокие цели с приземленными средствами (похожий рецепт, кстати, предложен в отношении профессиональной деятельности в целом).

Если рассмотреть реакцию НИИ Прикладной этики на проблему коммерциализации университета абстрактно и внеконтекстуально, то легко увидеть ее многочисленные недостатки. Она выглядит несколь-

ко прямолинейной и односторонней. Я могу привести в подтверждение этого тезиса несколько соображений.

А. Она основывается на таком понимании профессионализма, которое можно было бы назвать гиперидеалистическим. Осознание профессионалом социальной миссии профессии и ее ответственности перед обществом, его установка на общественное служение и выполнение профессионального долга, безусловно, являются частью его профессионализма. Однако профессионализм все же является одной из форм организации оплачиваемого труда. Исторически ее специфика формировалась как специфика отношений между профессионалом и оплачивающей его деятельностью клиентом, отношений, которые различным образом опосредствованы профессиональным сообществом. Профессионал, кроме служения и долга, ориентирован на успех и признание, важным признаком которых является высокий уровень дохода (другой признак – репутация среди клиентов и коллег по сообществу). Присутствующая в тезисах оговорка про «честный заработок профессионала» не отражает эту комплексную картину и даже не создает достаточных сдержек для эксплуатации установки профессионалов на служение со стороны прижимистого нанимателя.

Б. Она односторонне рассматривает роль рынка образовательных услуг, связанного с рынком труда выпускников, в университетской практике. Участие в первом из двух этих рынков является для университета не только способом получить дополнительные средства в условиях хронического недофинансирования, но и своего рода зеркалом эффективности его образовательных стратегий. Как и любой рынок, этот рынок выступает в качестве механизма оценки того, что делают его участники. Я не пытаюсь воспроизводить неолиберальные догмы, не идеализирую этот механизм, не считаю его единственным, но полагаю, что он очень важен. Не в последнюю очередь, как средство избавления от некоторых иллюзий и предрассудков, характерных для разработчиков стратегий развития университетов.

В. Она не принимает в расчет широкий контекст рынка образовательных услуг. Этот рынок задается меняющимися (и не только в худшую сторону) запросами потребителей и условиями, в которых действуют наниматели выпускников. Общество и государство могут создавать спрос на специалистов такого типа, который не вызвал бы у авторов тезисов тех нареканий, которые имплицитно содержатся в критике коммерциализации высшего образования. Рынок с данным случае всего лишь поддерживает конкуренцию университетов между собой за возможность формировать таких специалистов, а значит – за возможность продавать услуги. Ближайшая аналогия – различного

рода искусственные рынки типа рынка сокращений выбросов парниковых газов и т.д.

Г. Она не учитывает, что коммерциализация затрагивает не только сферу образовательных услуг, но и другие области деятельности университетов. Я имею в виду выход университетов на (во многом тоже искусственный) рынок научно-исследовательских проектов и (уже совсем не искусственный) рынок научно-технологических разработок. В этой сфере и пагубные, и благотворные эффекты коммерциализации университета выглядят уже совсем не так, как в тезисах НИИ Прикладной этики. Пагубные при этом интересным образом пересекаются с содержащейся в тезисах критикой технократизма.

Однако если контекстуализировать обсуждаемый документ и не воспринимать его как полноценный исследовательский текст по проблеме коммерциализации высшего образования, то эта односторонность и прямолинейность выглядят вполне извинительными. Мы имеем срез приоритетных практических проблем, которые стояли перед российскими университетами 1990–2000-х гг. Опыт существования в российских рыночных реалиях давал (да и сегодня во многом дает) не много оснований для оптимизма, для ожиданий того, что позитивные стороны коммерциализации компенсируют негативные. Это обстоятельство и отразилось в тезисах.

Второй источник деуниверситетизации, осмысляемый авторами тезисов как возвратное движение в сторону советского вуза – это идеологическое давление, работающее как против реальной автономии университета и членов академического сообщества, так и против автономии личности, выступающей в качестве важнейшей университетской ценности и одновременно высшей ценности гражданского общества. В тезисах это давление представлено в виде «тенденции неотрадиционализма в воспитании». Для носителей неотрадиционалистской установки «стремление человека к выбору определяет прежде всего как покушение на незыблемость канонов, сформировавшихся в предшествующую эпоху». Их «выбор прошлого» может быть простым «невинным побуждением продлить [его] очарование». Но в своем логическом финале он, как правило, превращается в «попытку протолкнуть в массовое сознание идеологию тоталитаристского реваншизма». В тезисах эта неотрадиционалистская тенденция, вытесняющая «либеральные ценности», сдерживаемые в своей реализации «здоровым консерватизмом», охарактеризована исключительно как тренд общественного сознания, осуществляющий давление на центры принятия решений и находящий спорадическое воплощение в управленческих решениях или законодательных актах. Это была одна из идеологий, которые присутствовали тогда на рос-

сийском «рынке идей», и она пользовалась на нем достаточной популярностью. Однако со временем «выбор прошлого» занимает все более и более прочные позиции внутри системы мировоззренческих установок, используемых на государственном уровне. Соответственно, меняются способы воздействия «выбора прошлого» на университет. В результате, под угрозой оказывается автономия университета в целом и автономия каждого конкретного университетского профессионала. Обсуждаемая в тезисах проблема превращается в проблему сохранения одного из важнейших аспектов академической свободы.

Какие средства предлагал НИИ Прикладной этики для противостояния с «выбором прошлого» и «тоталитаристским реваншем»? Преимущественно воспитательные: «Ориентация воспитания на освоение потенциалов свободы (воспитание выбором, вариативное образование и т.д.) на основе ценностей гражданского общества (в сотрудничестве либеральных ценностей со здоровым консерватизмом, органически присущим всякой устойчивой воспитательной деятельности)». Это вполне понятно, поскольку именно воспитание позволяет менять ситуацию на «рынке идей» или, вернее, в меру сил воздействовать на нее. Однако в новой ситуации такие меры оказываются недостаточными, академическая свобода нуждается в защите здесь и теперь, а не в перспективе долговременного изменения социальной и политической культуры.

И в этом смысле парадоксальным образом меняется роль рыночной ориентации университета (его коммерциализации). Это изменение можно представить на основе особенностей профессионализма в собственном или, используя терминологию тезисов НИИ Прикладной этики, «высоком» значении этого слова. Согласно позиции Элиота Фрейдсона, профессионализм это такая форма организации труда, которая находится между бюрократическим управлением и рыночным регулированием [18, 14]. Она в своей специфичности оказывает сопротивление и бюрократизации, и маркетизации. Однако в современном обществе она какой-то своей частью погружена и в рынок труда, и в бюрократические управленческие вертикали. Профессии зарабатывают на конкурентном рынке и часто принадлежат к иерархически организованным, частью – государственным институтам (больницам, университетам и т.д.). Подвергаясь давлению со стороны рынка и бюрократии, профессиональные сообщества сохраняют свою автономию в том числе, за счет того, что противопоставляют одно другому. С помощью обращения к рынку профессионального труда сопротивляются бюрократизации, а с помощью обращения к централизованному управлению сопротивляются разлагающей

их сквозной коммерциализации. Эта особенность их положения касается и идеологической ангажированности, которая реализуется через вертикальные, бюрократические каналы. Обращение к коммерческой эффективности и ее непереносимым условиям позволяет облегчать идеологическое давление, отражать конъюнктурные политико-морализаторские интервенции. Конечно, защита автономии университета может и должна осуществляться на основе прямой апелляции к праву профессора высказывать свою аргументированную в соответствии с академическими стандартами позицию по любым вопросам (прежде всего, по актуальным вопросам общественной жизни). Но дополнительным способом ее отстаивания является апелляция к тому, что исполнение идеологических функций является обузой, которая уничтожает экономический потенциал университета (типичный «советский вуз» со всеми такими «обременениями» является ярким примером подобной неэффективности).

Третья угроза университетской форме организации высшего образования, по мнению авторов тезисов – технократизм. При этом они делают оговорку, что выдвигание на первый план этой угрозы связано с особенностями их собственного университета, который наследует индустриальному институту, а в недалеком будущем, как мы знаем, превратится в индустриальный университет. «Инженерное мышление с присущей ему технической рациональностью» имеет тенденцию вытеснять «мировоззренческие ориентиры» и содействовать превращению высшего образования в процесс «формирования «функционального» человека». Лекарством от этого недуга авторы тезисов считают «гуманитаризацию образования в университете».

В каком-то смысле это верный диагноз. Технократический подход блокирует возможность развития у выпускников и функционирования у преподавателей ценностной, этической стороны профессионализма. Он слабо совместим с превращением университета в школу критического мышления и пространство индивидуальной самореализации. И даже более того, он всерьез заставлял ориентацию на получение и передачу знания потесниться, поскольку не всякое знание представляет ценность для «технической рациональности». Однако, вместе с тем, это лишь частичный диагноз, и поэтому опирающиеся на него методы лечения не могут быть достаточно эффективными. Уже то, что технократизм девальвирует ценность негуманитарного, но при этом не подлежащего мгновенной технологической операционализации знания, показывает, что гуманитаризация образования не способна преодолеть технократические тенденции. Если смотреть на проблему, поднятую в тезисах, не через призму биографии индустриального университета, а шире, то она выходит

далеко за пределы противостояния инженерного и гуманитарного подходов. Я никогда не работал в индустриальном или политехническом университете, но мой опыт работы в вузах или на факультетах, изначально ориентированных гуманитарно, показывает, что пренебрежение «мировоззренческими ориентирами» и функционализация образования могут быть не связаны с инженерным наследием университетского менеджмента.

Другими словами, упомянутая в тезисах рассогласованность «целе-рациональных и ценностно-рациональных ориентаций» представляет собой более широкое явление. Она стоит за такими процессами как менеджеризация и бюрократизация университета. Именно их я бы назвал ключевыми источниками деуниверситетизации, хорошо понимая, что это не просто «злые демоны», напавшие на несчастный университет, а объективный результат нескольких процессов, которые давно происходят с высшим образованием и обществом в целом и вряд ли могут быть обращены вспять. Но в любом случае тема оптимального способа управления университетом, который является сообществом и организацией одновременно, поднятая в первых тезисах, не нашла развернутого выражения во вторых, хотя тематика технократизма вполне могла бы вывести на нее.

Третьи тезисы НИИ Прикладной этики:

индустриальный университет и академический реализм

Последние тезисы НИИ Прикладной этики характеризует резкое изменение фокуса и пафоса рекомендаций. По целому ряду проблем и задач они смыкаются скорее с формалистскими тезисами 1995-го года, чем с идеалистическими и ориентированными на преобразование общества, культуры и человека посредством высшего образования тезисами 2005-го года. Задача сохранения университетского статуса и университетского качества собственной организации уходит в бэкграунд внутреннего консалтинга Тюменского индустриального университета и заменена, в основном, на задачу обеспечения его конкурентоспособности в сравнении с другими университетами, преимущественно относящимися к Западносибирскому региону. Такое целеполагание позволяет поставить и проанализировать ряд дополнительных проблем, но выводит авторов тезисов и их адресата за пределы обсуждения прагматических составляющих миссии современного университета. Конечно, в тезисах встречаются характеристики подлинного университета и призывы к необходимости их сохранения, но и описание характеристик, и сами призывы крайне лаконичны. Они не выступают в качестве лейтмотива. В тезисах есть перечисление признаков университета: «академическая автономия, академическая честность, автономные научные исследования, каче-

ственное образование и т.д.». Дано определение автономии университета как «научно-образовательной корпорации» – это «особое внутреннее устройство... “общества внутри общества” со своим университетским этосом, включающим неписанные правила интеллектуальной честности, доверие, солидаризацию различных групп интересов, по-своему выражающих идентичность университета». Упоминается «объективная значимость профессорства», но без расшифровки, в чем профессорство состоит и почему оно объективно значимо. Однако ни задача формирования Человека, ни задача защиты и развития гражданского общества, ни идеал академической свободы (конечно, не тождественный способности профессора вести «автономные научные исследования») не упомянуты.

Каковы те дополнительные проблемы, попадающие в фокус внимания авторов тезисов, о которых я упомянул выше? Их рассмотрение начинается с «реалистического» вопроса «в каких сферах университет может сегодня самостоятельно делать свой выбор и принимать ответственность за него, а в каких его самоопределение минимально?», а список начинается с обсуждения потенциальной роли индустриального (в прошлом – нефтегазового университета) в «зеленом переходе». В целом это вполне актуальная проблема, поскольку в переходный период именно правильно выбранные способы обращения с традиционными энергоносителями обеспечивают устойчивость находящихся в очень уязвимом состоянии экономик. У этой комплексной социально-экономической проблемы есть своя технологическая сторона. Поэтому «согласованная проектно-ориентированная работа всех корпорантов [индустриального] университета (администраторов, преподавателей, студентов)» в этом направлении действительно может обеспечить ему лидирующие позиции среди исследовательских и образовательных центров региона, и даже страны. Эта работа может быть успешно монетизирована на рыночной или бюджетной основе и т.д. и т.п.

Вторая проблема – устойчивость университета в условиях расширения заданных ему извне формальных показателей успешности. Устойчивость трактуется в тезисах в разных отношениях, в том числе как устойчивость перечисленных признаков подлинного университета.

Третья проблема – единство и солидарность университетского сообщества. Тезисы фиксируют «обособление разных групп внутри университета (преимущественно, исходя из имеющихся в их распоряжении экономических ресурсов) и, как следствие, ослабление доверия и солидаризации». В условиях обособления частей сообще-

ства университету трудно оставаться «объединением равных людей на основе взаимного соглашения с целью обучения и исследований».

У меня эта постановка проблемы вызывает двойственные эмоции. С одной стороны, это аргумент в защиту академической демократии, которая является фундаментом автономии университета (по всей видимости, гораздо более широкого явления, чем в определении, данном НИИ ПЭ). Монополизация властных полномочий и ресурсов опасна везде, в том числе в университете. Это прямой путь к стагнации и созданию коррупционных соблазнов. Но с другой стороны, в подчеркивании роли солидаризации сообщества содержится намек на неприятие конкурентной внутриуниверситетской политики. Консервативно-солидаристский взгляд на сообщество как на монолит, существующий на основе единой и единственной идентичности в не меньшей степени чреват эксцессами взаимного недоверия. Он сопряжен с неизбежным появлением ревностных поборников единства и аутентичной традиции, иницирующих деструктивную борьбу с «раскольниками». Консервативно-солидаристский взгляд на академическое сообщество во многом был характерен для упомянутого ранее Шилза и вызывал вполне справедливое неприятие многих комментаторов его труда «Академическая этика». Ведь университетское или академическое гражданство носит, в конечном итоге, не солидаристский, а плюралистический характер [22, 12].

Четвертая проблема – включение академического сообщества в инновационную деятельность. Как и другие институты, ориентированные на нее, университет стремится быть продуктивным инноватором. Однако, по мнению авторов тезисов, есть две особенности, отличающие его от других субъектов инновационной деятельности. Университет не только производит инновации, но и «готовит [индивидуальных] инноваторов для различных сфер». Эти два процесса должны быть органично связаны и поддерживать друг друга. Кроме того, университет в силу того, что он претендует на то, чтобы быть одним из центров ценностной рефлексии общественной практики, начинает генерировать «экспертное знание в отношении этики вводимых инноваций». Он является одной из площадок гуманитарной экспертизы, причем такой площадкой, которая обладает эксклюзивным пулом экспертов и эксклюзивным опытом организации дискуссий.

Пятая проблема – адаптация университетского образования к процессу цифровизации. Она поставлена в тезисах предельно радикально – университет не столько должен перевооружиться в связи с новыми возможностями и защититься от новых угроз, сколько создать анклав нецифрового и нецифровизируемого образования. Проблема, соответственно, состоит в том, сможет ли он это сделать,

одержит победу или потерпит поражение. Университет нужен для «трансляции “неявного знания”, практических умений, традиций и ценностей научного этоса». И сегодня ему «предстоит определить свой потенциал, свои авангардные позиции в отношении производства образования, которое невозможно оцифровать».

Мне не совсем понятен этот радикализм и кажется, что он связан с определенным недопониманием преимуществ и комплексного характера цифрового образования. Проблемы, связанные с цифровизацией – это проблемы роста и переходного периода, совмещенные с проблемами недобросовестного использования цифровых технологий для профанирующей высшее образование экономии бюджетов (см. подробнее: [9]). Позиция «университет – бастион нецифруемого образования» привлекательная для людей, не желающих предпринимать попытки к изменению подходов и навыков, сформированных в университете «кирпича и строительного раствора». Но их попытки плыть против течения только затрудняют поиск способов, которыми преимущества традиционного университета могли бы сохраниться в цифровом.

Если посмотреть на этот ряд проблем (кроме третьей, мною уже прокомментированной, и пятой, которая носит универсальный для университетской практики характер), то читатель тезисов безошибочно узнает тип университета, в котором они являются центральными. Это предпринимательский университет или университет с существенными признаками предпринимательского. Напомню, что в виде теоретической модели, обобщающей практику разных университетов, предпринимательский был описан в трудах Генри Ицковича. Такой университет развивается в условиях снижения государственного финансирования в целом или государственного финансирования «по умолчанию». Его главной чертой является активное развитие внутриуниверситетских структур, отвечающих за превращение результатов исследовательской деятельности а) в технологические инновации, б) в защищенную интеллектуальную собственность, способную приносить доход. В таком университете возникает единая инфраструктура инновационной деятельности, которая соединяет научные исследования, их технологическую адаптацию и рыночное продвижение (система внутриуниверситетских стартапов). Условием эффективной работы такой инфраструктуры является гибкость и множественность внутриуниверситетских статусов и ролей. Ученый, увидевший потенциал практического применения и коммерциализации своих исследований, имеет возможность создать предпринимательскую структуру либо непосредственно в университете, либо на условиях сотрудничества с ним. Но у него остается возможность вернуться как к финан-

сируемым государством исследованиям, так и к преподавательской работе в зависимости от судьбы стартапа. Казалось бы, такая гибкость и подвижность препятствует выполнению образовательной функции университета. Однако это не обязательное следствие. В поиск знания, которое превращается в капитал, широко вовлекаются студенты и аспиранты. Для этого в рамках академических стартапов может быть даже больше возможностей, чем в рамках классических грантовых исследований. По Ицковичу, хороший предпринимательский университет может производить технологические продукты, патенты, научные статьи и квалификационные работы как единое «бесшовное полотно» [7, 15, 16, 17]. Именно в этом случае он является идеальным инкубатором для производства «инноваторов».

Конечно, содержание третьих тезисов при их сравнении с предыдущими не может не привести к возникновению вопроса: «Почему такой поворот?» От возвышенного идеализма в описании миссии классического университета, от пафоса академической свободы и гражданского общества, от радикальной критики технократизма рекомендации НИИ Прикладной этики переходят к подчеркнуто скромной репрезентации прагматических ценностей университета и акцентированию его инновационно-технологических задач. Я не принадлежу непосредственно к творческой лаборатории НИИ Прикладной этики, хотя косвенным образом причастен к его деятельности. Поэтому я могу высказать лишь некоторые гипотезы, которые не столько противостоят, сколько дополняют друг друга (полагаю, что причастность к работе НИИ Прикладной этики дает мне право на высказывание таких гипотетических суждений).

Первая гипотеза: возможно, что в процессе выработки рекомендаций региональному индустриальному университету, сотрудники НИИ Прикладной этики постепенно пришли к выводу, что предпринимательский университет является наиболее приемлемой, хорошо работающей моделью университетской жизни для их организации. Когда-то в прямом диалоге с В.И. Бакштановским я пытался показать, что некоторые его пессимистические выводы, касающиеся тенденций в развитии современного университета, могут быть смягчены, если признать такие новые модели университета, как модель Ицковича, полноправными реализациями идеи или миссии этого учреждения [11]. Можно предположить, что дальнейшая рефлексия специфики и возможностей Тюменского индустриального университета осуществлялась на основе именно такой посылки, выраженной более или менее радикально.

Вторая гипотеза предполагает, что за поворотом стоит реализм гораздо более общего типа, уже не связанный с характеристиками

адресата, к которому обращены тезисы НИИ Прикладной этики. В недавней беседе с британским философом образования Полом Гиббсом я столкнулся с тезисом моего собеседника, что университет – это такая форма коллективной жизни, которую надо рассматривать по принципу «да» или «нет», что университет есть только там, где успешно нашел выражение весь комплекс университетских ценностей (особенно важны стремление к истине и индивидуальной самореализации, успешный поиск членами сообщества самих себя). Отсюда вытекает следующая мысль, что университет это редкое, не тиражируемое в «промышленных масштабах» явление, которое ни при каких условиях не сравнится по охвату обучающихся в нем студентов с высшими профессиональными школами. Реалистическим противовесом этой позиции является высказанная тогда мною мысль, что университетская жизнь хороша в любых дозах. Ее следует приветствовать и как дополнение к преимущественно профессиональному обучению. В более общем виде: необходимо стремиться получить ровно столько университетской или академической жизни, сколько ее может получиться в данных, конкретных условиях. Не исключено, что авторы третьих тезисов НИИ Прикладной этики руководствовались при их составлении каким-то похожим правилом.

Список литературы

1. *Бакштановский В.И.* На пути к инновационной парадигме: становление Товарищества «Прикладная этика» В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова // Этическая мысль. 2013. Вып. 13. С. 246–260.
2. *Бакштановский В.И.* У истоков концептуальной автономии инновационной парадигмы прикладной этики // Ведомости прикладной этики. 2015. Вып. 46. 210–252.
3. *Бакштановский В.И., Богданова М.В.* Перспективы этики профессора в ситуации трансформирования университета // Ведомости прикладной этики. 2020. Вып. 55. С.105–132.
4. *Бакштановский В.И., Богданова М.В.* Ценности профессиональной этики в формировании идентичности опорного университета // Ведомости прикладной этики. 2018. Вып. 51. С.127–165.
5. *Гумбольдт В.* О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Университетское управление: практика и анализ. 1998. № 3(6).
6. *Дьюи Дж., Дьюи Э.* Школы будущего // Свободное воспитание. 1916/1917. № 4–5.

7. *Ицкович Г.* Тройная спираль. Университеты–предприятия–государство. Инновации в действии. Томск: Томск. гос. ун-т систем упр. и радиоэлектроники, 2010. 238 с.
8. *Ньюмен Дж.Г.* Идея Университета. Минск: БГУ, 2006. 208 с.
9. *Прокофьев А.В.* Милль Дж.С.: философское исследование миссии университета // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 2. С. 184–196.
10. *Прокофьев А.В.* Цифровизация университета: угрозы и возможности // Ведомости прикладной этики. 2021. Вып. 57. С.10–33.
11. *Прокофьев А.В.* Экономический вызов университету: этическая рефлексия // Ведомости прикладной этики. 2018. Вып. 51. С. 9–31.
12. *Прокофьев А.В.* Этика профессора и идея академического гражданства // Ведомости прикладной этики. 2020. Вып. 55. С. 20–41.
13. *Aronowitz S., Giroux H.A.* Education Still under Siege. Westport: Bergin and Garvey Press, 1993. 243 p.
14. *Brint S.* Saving the ‘Soul of Professionalism’: Freidson’s Institutional Ethics and the Defense of Professional Autonomy // Knowledge, Work & Society. 2006. Vol. 4. № 2. P.100–129.
15. *Etzkowitz H.* Anatomy of the Entrepreneurial University // Social Science Information. Vol. 52. № 3. P. 486–511.
16. *Etzkowitz H.* Normative Change in Science and the Birth of the Triple Helix // Social Science Information. Vol. 50. № 3–4. P. 549–568.
17. *Etzkowitz H.* When Knowledge Married Capital: the Birth of Academic Enterprise // Journal of Knowledge-Based Innovation in China. 2013. Vol. 5. № 1. P. 44–59.
18. *Freidson E.* Professionalism, the Third Logic: On the Practice of Knowledge. Chicago: Chicago University Press, 2001. 250 p.
19. *Gibbs P.* Happiness not Salaries: The Decline of Universities and the Emergence of Higher Education // Thinking about Higher Education / Ed. by P.Gibbs, R.Barnett. N.Y.: Springer, 2014. P. 37–53.
20. *Gibbs P.* Should Contentment Be a Key Aim in Higher Education? // Educational Philosophy and Theory. 2017. Vol. 49. № 3. P. 242–252.
21. *Keohane N.* Higher Ground: Ethics and Leadership in the Modern University. Durham: Duke University Press, 2006. 296 p.
22. *Macfarlane B.* The Academic Citizen: The Virtue of Service in University Life. London: Routledge, 2007. 201 p.
23. *Mill J.S.* Inaugural Address Delivered to the University of St Andrews // Mill. J.S. Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 21. Essays on Law, Equality and Education. L.: Kegan and Paul, 1984. P. 215–257.

24. *Rorty R.* Education as Socialization and as Individualization // *Philosophy and Social Hope*. N.Y.: Penguin Books, 1999. P. 114–126.

25. *Shils E.* The Academic Ethos // *The American Scholar*. 1978. Vol. 47. № 2. P. 165–190.

26. *Shils E.* The Eighth Jefferson Lecture in the Humanities: Render unto Caesar... Government, Society, and the Universities in Their Reciprocal Rights and Duties // *Shils E. The Calling of Education: The Academic Ethic and Other Essays on Higher Education*. Chicago: The University of Chicago Press, 1997. P. 177–233.

27. The Obligations of University Teachers: The Academic Ethics [Edward Shils] // *Minerva*. 1982. Vol. 20. P. 105–208.